

ВОСПОМИНАНИЯ

Я не забуду эти встречи

*(Памяти тарского поэта
Л.Н. ЧАШЕЧНИКОВА)*

С 1959 года, когда, демобилизовавшись, я стал работать в Колосовской районной газете «Заветы Ильича», через Омскую писательскую организацию прошло немало поэтов, с творчеством которых знакомство происходило в первую очередь через публикации в областной газете «Омская правда», а когда у кого-то из них выходила авторская книжка, то приобреталась непременно в личную библиотеку, независимо от моего личного отношения к стихам. Поэзией я увлекался, но личных знакомств с поэтами не было. Кто-то стремился любой ценой заполучать автограф и при случае похвалиться чуть ли ни дружбой, я же страшно стеснялся своей провинциальности, неопытности и, прямо скажем, примитивности собственного творчества, даже при наличии возможности познакомиться поближе с известным в области поэтом, которые регулярно наведывались в сельские районы, избегал этого любыми путями. Очень любил и люблю стихи Владимира Балачана, того самого, который только за слова песни «Хлеб - всему голова» заслуженно удостоился всерос-

сийской любви, близко мне творчество Татьяны Четвериковой и тех, кто поэтически окреп на омской земле, потом уехал в другие края, и о дальнейшей судьбе их из-за неизвестности сказать ничего не могу.

Но первым поэтом, с кем я был знаком близко, по совпадению оказался мой однофамилец родом из Тюменский области, замечательный детский поэт, ставший всероссийски известным, замечательнейший и добрейший человек Тимофей Максимович Белозеров. Уж с ним мы посмолили трижды проклятого «беломора» в Тарской редакции!

Я пишу о Чашечникове, но не грех и лишний раз сказать памятные слова о Тимофее Максимовиче покойном. Он любил Тару. Бывал в ней чаще, чем, думаю, в других районах области. Его «пристанью» здесь был всегда кабинет бывшего заместителя редактора районной газеты «Ленинский путь» Якова Степановича Горчакова, тоже теперь покойного. Они очень дружили. Тимофей Максимович в каждый приезд бывал почти во всех детских учреждениях, встречался с детьми, с сотрудниками, читал им свои стихи и, естественно, от общения с ними набирался тем, образов, языковой особенности для своих будущих произведений. Во всех его поездках и походах по городу и району непременно сопровождал Яков Степанович.

В их кабинетные посиделки я был принят как-то само-собой, и больше по их инициативе. Там, «закусывая «беломором», нередко и по рюмочке-другой пропускали. Он никогда не отказывался, но ни разу, сколько я помню, и не злоупотреблял, в отличие от нас, грешных.

Это было время, когда книги Тимофея Максимовича издавались «потокм» и в местном издательстве, и в других областях, и в Москве. Словом, он был уже популярным детским поэтом по всей России и в тогда ещё Союзных республиках. Но настолько был скромн, что сам на эту тему речи никогда не заводил. Чаще встречи эти происходили в пору моей работы собкорром «Омской правды» по северным районам, а он в этой газете был по совместительству литературным консультантом. Думаю, кстати коротко сказать о возникающих курьёзах в связи с нашей однофамильностью. Он жил в городе, друзей и знакомых, прежде всего в пишущей братии, у него было много. В принципе из города он выезжал редко. Потому, когда в газете появлялись очерки, фельетоны и другие материалы за моей подписью, многие знакомые (это он мне сам, от души смеясь, рассказывал не раз!) при встрече удивлялись: «Ну, Тимофей, ты и вёрткий: то детишек стишками забавляешь и радуешь, то в пух и

прах разносишь какого-то там председателя таёжного колхоза!.. И когда ты успеваешь?..»

Он улыбался, но не раскрывал карты и говорил: «Такой уж я уродился!»

Мне же на каждом шагу приписывали и совсем незаслуженно восхищались детскими стихами, подписанными одной фамилией, но написанными совсем другим человеком. Я не отваживался шутить в тоне Тимофея Максимовича, и рассказывал всё начистоту.

...Когда я отваживался посылать в свою газету стихи, они непременно попадали моему однофамильцу. Иногда он отвечал письменно, иногда звонил. Но независимо от этого, всегда был искренен и прямолинеен. Тут наши дружеские кабинетные посиделки в Таре не имели абсолютно никакого значения. Обычно после банальных вопросов про жизнь-бытьё, он говорил в трубку: «Прочитал, старик, стишата твои. Ну строк 6 - ничего, а остальные 22 - сырьё. Можно над ними поработать, но лучше, я думаю, не стоит...»

Не понять такую «рецензию» было нельзя, да и обидеться на рецензента, даже если и были какие-то основания, тоже.

...Поверь, читатель, пишу совсем не для того, чтобы при случае сказать: «Вот с каким человеком был почти «на одной ноге»! Упаси Боже, злоупотреблять таким добрым и известным именем! Не было никакой «одной ноги» - было то, что было. Потому у меня и в мыслях никогда не было писать хоть какие-то воспоминания. Просто представился подходящий случай сказать ещё одно доброе слово о замечательном поэте...

... Не было у меня мысли о воспоминаниях и ещё об одной лично мне знакомом известном российском поэте русской природы, сибирской земли, певце русской грусти, удачи, любви и печали нашем земляке Леониде Николаевиче Чашечникове. Жизнь распорядилась так, что не было у нас встреч, которые могли что-либо существенное добавить к характеристике его творчества, его жизненного пути, да и связей после первых, совсем юношеских встреч в течение всей жизни не поддерживалось.

Но когда в прошлом году пришло известие, что Леонид Николаевич Чашечников преждевременно умер 17 декабря 2000 г. в одной из участковых больниц Подмосковья, а написать о нём достойно и полно никого из тарчан не нашлось, наспех написал я сумбурные воспоминания о наших встречах.

Слава Богу, надобность в моей писанине отпала. Наш земляк Михаил Иванович Сильванович, живущий в Москве и до последних дней Лени поддерживавший с ним тесную связь, чем мог, помогал в организации похорон, участвовавший в поминовении умерше-

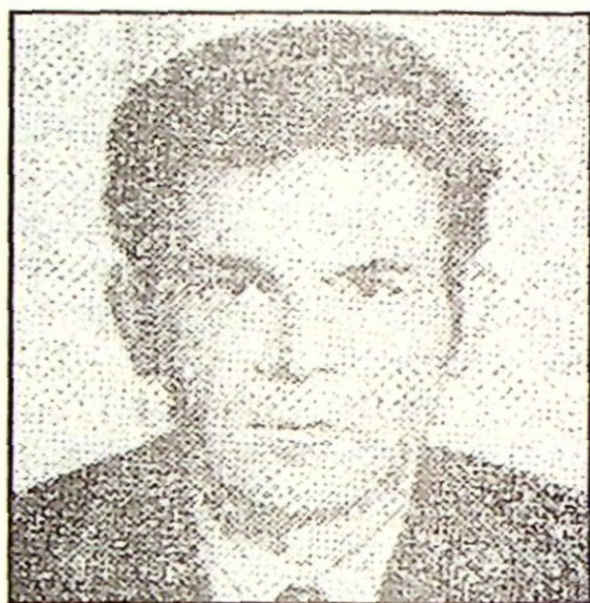
го через 9 дней, оперативно прислал в Тару большую статью памяти Л.Чашечникова «Певец русской печали», которая и была опубликована в «Тарском Прииртышье» в трех номерах, тепло встреченная читателями не только того поколения, которое хорошо знало поэта и помнило его, но и читателями, которые знакомы с ним хоть по редким публикациям стихов в райгазете.

Решив издать книжку, я посчитал своим долгом, не спеша, написать то, что осталось в памяти о наших полудетских-полууношеских встречах в Васиссе, и этим хоть что-то добавить в совсем небогатое библиографическое наследие поэта Леонида Чашечникова, имеющееся в районной библиотеке. Одновременно я хочу обратить внимание тех, от кого это зависит, что, пока не поздно, нужно это наследие собрать, как можно, более полно. Думаю, значительную помощь в этом может оказать и Михаил Иванович Сильванович, и сестра поэта Тамара Николаевна, живущая в Астрахани, и сын Александр Леонидович, живущий в нашем районе в с. Васиссе, и редактор газеты «Ленинский путь» в пору работы в ней Л.Чашечникова Дмитрий Денисович Беляев, и работавший после него редактором Вениамин Васильевич Шахов, живущие в Таре, и многие из читателей его поколения.

Прочитав все 10 сборников стихов, невольно приходишь к выводу, что Леонид Николаевич Чашечников, наш земляк, безусловно, тарский поэт. Но по уровню творчества, его значимости, его содержанию, он поэт - российского масштаба.

Нельзя сравнивать творчество детского поэта Т.Белозерова с лирико-публицистической поэзией Л.Чашечникова в смысле содержания, но по поэтическому мастерству, таланту, на мой личный взгляд, стоят они в нашей российской поэтической литературе где-то в одной шеренге. Омичи по достоинству оценили заслуги Т.М.Белозерова, присвоив его имя одной из улиц и детских библиотек города Омска.

Думаю, тарчане также по достоинству оценят творчество своего земляка Леонида Николаевича Чашечникова и сделают подобное в отношении его доброго и светлого имени. Надеюсь, что администрация района не оставит без внимания данное предложение. Положительное решение данного вопроса, убежден, сделает ей честь и

*Тимофей Максимович
Белозеров*

найдет поддержку, как в комитете по культуре и искусству администрации области, так и в самой областной администрации. Я убежден, что объективности решения будет способствовать и тот факт, что губернатор области Леонид Константинович Полежаев и один из его заместителей, бывший руководитель нашего района первого уровня, хотя и в разных должностях Александр Михайлович Луппов, являются Почетными гражданами Тары...

Младший брат моего отца Ефим каким-то путем, сделав себя по документам старше на год, почти в начале войны ушел на фронт, где-то к ее середине уже был демобилизован, как говорят, «по чистой», так как в одном из боев ему, десантнику, оторвало по самое плечо правую руку. «Золотопогонный» лейтенант в неполных 20 лет в деревне, естественно, не остался и перебивался у друзей в городе. Смелый, отчаянный, даже хулиганистый, он был примечен добрыми людьми, приобщен к комсомольской работе и вскоре направлен 1-м секретарем Васисского райкома комсомола.

Район был самым, пожалуй, молодым в области, организованный незадолго до войны, и, пожалуй, специфическим. Среди дореволюционных поселений людей из западных районов страны появилось много новых, но уже спецпоселений. 13-летним мальчишкой я тонкостей этих не понимал, но из разговоров взрослых выходило, что район - для ссыльных, не случайно в центре села стояла спецкомендатура. Чем она занималась, и как соотносился ее статус со статусом райкома партии - вопрос особый, и, располагая только слухами, я писать об этом не берусь, да и надобности в этом нету.

В 1948 г. у дяди там родился первенец, названный в честь деда Павлом, дядя уговорил бабушку и дедушку с большим усилием переехать к нему «в няньки». Они согласились при одном условии - с ними еду и я. Так в марте 1949 г. я стал жителем Васисса. От Скатова до него - более 100 километров. Путешествие для меня осталось чудом до сих пор. Это был другой мир: тайга с подъемами на угоры, да спусками с них. Дорога санная, издалека казалась просто лыжней. Ехали на двух повозках с нехитрым крестьянским скарбом, пуще всего боясь встречного разъезда. Правда, движение было настолько редким, что за всю дорогу разъездов было не больше двух. Лес стоял так плотно к дороге, что розвальни саней то и дело ударялись до хруста об очередную сосну. Вырубов до самого Васисса я не замечал. Белок я раньше видеть не видывал, а тут они прыгали с ветки на ветку через дорогу над самыми санями, никого не боясь.

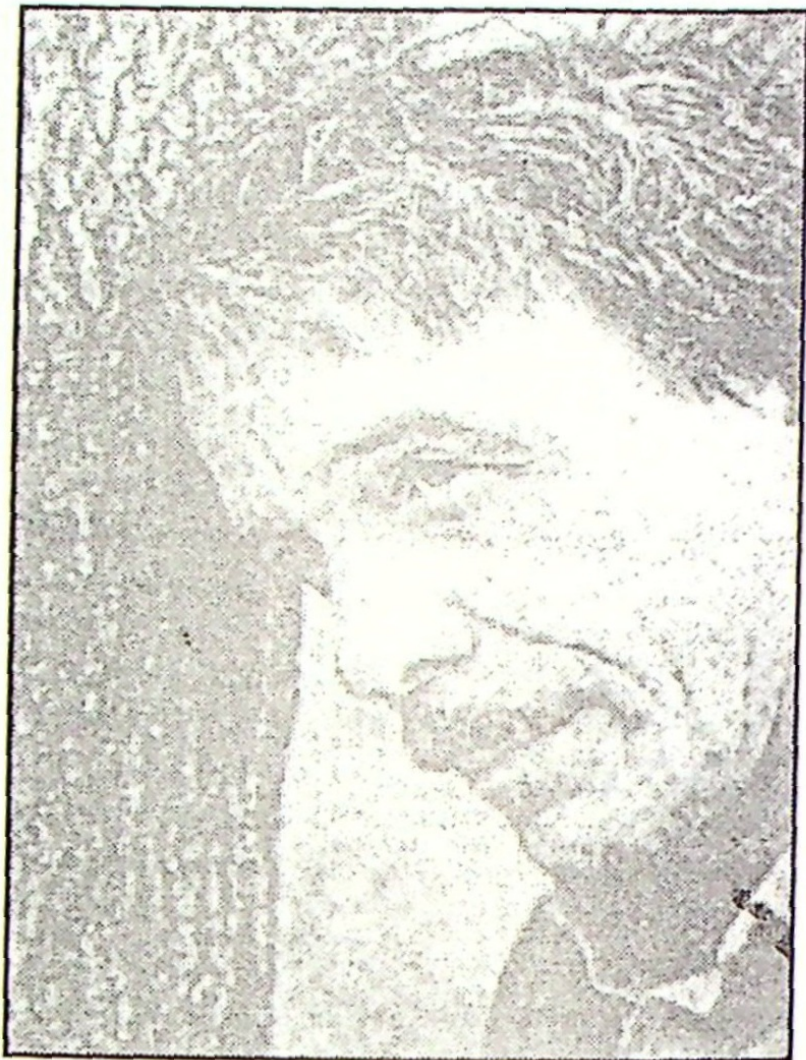
Таежная красота поразила меня и вызвала неисчезающую всю жизнь любовь...

В Васиссе весной 1952 года появился и выпускник Тарской

культпросветшколы Леша Чашечников, направленный в районный Дом культуры художественным руководителем. Я был семиклассником, самодеятельность любил до страсти и занимался в ней всем, что поручали. Здесь мы с Лешей и сошлись. Он был старше меня на два года. По тем порам это было много. Тем более, что он - человек со специальным художественным образованием, знавший во всем намного больше меня. Одет был, как и все мы, бедненько, имел старенький, но удивительно напевный баян, знал нотную грамоту, играл на нем, хотя мне казалось, не очень здорово.

Васисс, как райцентр, был даже не большой, а средней деревней. Улицы были узкими и не длинными. После репетиций и концертов мы бродили по ним, но буквально через несколько минут оказывались за околицей и уходили на очень крутые и заросшие берега реки Шиш, которая по весне была настолько полноводной, что где-то там, в низовьях, ближе к иртышскому селу Пологрудово, по ней ходили даже катера, буксирующие плоты заготовленного за зиму леса вдали от реки. Но к июню Шиш настолько мелел, что во многих местах через него без труда можно было перебираться вброд. Зато омутов было - не сосчитать. Все таежные реки извилисты, но такой извилистой, как Шиш, и в тайге не часто встретишь. А каждая извилина - непременно омут, да не простой, а широкий и глубокий. Красота была - неимоверная. Мы спускались к самой воде, сидели в разговорах до полуночи, а потом шли домой.

Леша квартировал у какой-то старушки, а когда установилась твердая майская теплынь, мы перетасили свои матрацы на чердак дома, в котором я жил. Он был брусчатый, четырехквартирный, для работников райкома. Однако квартиры были тесными - маленькая

*Леонид Николаевич
Чашечников*

кухня и комната побольше, а семьи у всех были не менее 5-ти человек. Но чердак был общий, на удивление ничем не загруженный и потому принадлежал нам с Лешей полностью. Конечно, такого объема «жилья» нам не надо было, и мы стелили матрацы вокруг одной из четырех труб. При изменении ветра мы двигали матрацы вокруг трубы, но чердак настолько пронизывался сквозняками, что эти перемещения тепла почти не прибавляли, и мы это занятие вскоре прекратили.

На чердаке с нами постоянно жил и Лёшин баян. Мой новый друг больше говорил, потому что он больше и знал. От него я услышал впервые про Есенина, которого в те поры не только не печатали, но даже не упоминали его имени в школьных учебниках. А уж Леша его любил страстно и знал наизусть все, что тогда можно было знать. Рассказывал он о Таре, об учебе, об Екатерининском, где жила его мать с сестрой. Семья у них не сложилась - отец, оставив их, уехал в Астрахань. А Леша, как я чувствовал, одинаково любил и мать, и отца, и, конечно, сестренку.

Потом он опять читал стихи. Я уже кое-что тоже знал наизусть. Особенно запомнились мне «Выткался над озером...», «Клен ты, мой, опавший», и «Письмо матери». Леша не просто читал, а читал, как говаривали в школе, с выражением. При этом у меня непременно навертывались слезы. В чердачной темноте не было видно, но я чувствовал, что такие же слезы и у него на глазах.

Часто, чтобы успокоить себя и меня, он замолкал, а потом, как бы спохватившись, говорил: - Но это - не все!...

Он соскакивал, брал в руки баян, прикрытый от пыли небольшой тряпицей, настраивался на нужный лад и запевал негромко под собственный аккомпанемент «Письмо матери». Повторю: пел негромко, но как-то надрывно, и я каким-то чутьем понимал: половина песни относится к есенинской матери, вторая - к его собственной. Я же мысленно всю песню с ее содержанием переносил полностью на себя и свою маму. Жалко нам было и своих матерей, и мать поэта, и, конечно же, самих себя тоже...

...Думаю, следует задеть и любовную тему. К приезду Леши я был уже влюблен. Леше - это предстояло. Были в школе три неразлучных подружки-десятиклассницы: Зоя Булавко, Тамара Ботвинкина и Галя Гуцевич. Они занимали в ученических организациях руководящие должности, имели большой авторитет в школе. Зоя Булавко точно была секретарем комитета комсомола школы, а остальные девчата - точно не помню. Я, пионер еще, безоглядно был влюблен в Тамару, писал ей стихи. Она улыбалась, читая их, не отвергала мои чувства, относилась ко мне ласково, нежно, но я-то чувствовал,

что это было не ответное чувство, которого, видимо, и не должно было быть, а снисходительность старшего человека к младшему, чтобы не причинять ему обиды. Тем не менее, чувства мои не остывали.

Леша же буквально через несколько дней нашего знакомства объявил мне о своей любви к Зое. О каком-то моем опыте в этих делах говорить не приходится. Леша же, чувствовалось, прошел «солидные курсы». Потому в беседах я слушал его с раскрытым ртом. Зою о своих чувствах он поставил в известность незамедлительно. Она, чувствовалось, была довольна, сильно кокетничала, не отвергала напрямую признание, но когда лешина настойчивость потребовала серьезного ответа, сослалась на то, что для ответа нужно время. Огорчен он был страшно. Он по натуре был влюбчив. Влюблялся быстро и сразу, как говорят, «на всю катушку». Дней через несколько на чердаке он серьезно попросил меня послушать и сказать свое мнение. Тут же заиграл баян, и запел Лёша, пытаясь делать это весело, но получалось печально: «Ну не хмурь же ты брови свои, нам с тобою поют соловьи...» Дальше - все растаяло в моей памяти, и слова, и мелодия. - Это - не Есенин, - сказал Леша, допев до конца. - Это - Леонид Чашечников. Причем, с собственными словами и музыкой. - Я потом, усмехнувшись, добавил: - Между прочим, и собственным исполнением...

Лешины сочинения продолжались, мои для Тамары - тоже. Но до его мастерства мне было страшно далеко. Однако безрезультатными были они у нас одинаково. И плыли мы с ним вдвоем на одной лодке «неразделенной любви». Вскоре он написал две тетради пьесы. В общих чертах содержание её я помню и сейчас. Плывут на пароходе по Иртышу вместе с другими пассажирами поэт (Леша), его молодая жена (Зоя), их подружка (Тамара). Внезапно пароход садится на мель. На палубе - аврал. Естественно, тут появляется и капитан (я, так как именно в то лето собирался поступать в речное училище). Происходит страшно радостная встреча, которая после снятия парохода с мели, продолжается в каюте капитана. Словом, конец такой счастливый, что не в каждой сказке бывает таким. В общем, это были наши с ним голубые грезы. Я все хотел переписать пьесу, но не переписал. А после неудачной попытки поступления в речное училище в августе 1952 г. я с семьей уехал в Колосовку. Девчата поступили в институт, а Леша со стихами, песнями и неразделенной любовью на какое-то время остался в Васиссе один.

...В марте 1953 г., проведая тетушку в с.Бражниково, что в 15 км не доезжая до Колосовки из Тары, в один из дней пришел ко мне Леша. Мы провели с ним день, вечер до глубокой ночи, а наутро он

также пешком ушел в Бражниково, и до следующей нашей короткой встречи предстояло прожить не один год.

Уже после службы, работая в Колосовской райгазете, в начале 60-х годов по службе я оказался в Омске, и проливной дождь буквально «организовал» нам короткую встречу с Леонидом Чашечниковым в одной из телефонных будок у речного вокзала. Правда, дождь скоро кончился. В одной из «забегаловок» мы отметили встречу. «Смочили» хорошо, а толком поговорить оставили «на потом». В это время он вращался в омских литературных кругах, был там известен. Не мог я не почувствовать и определенную холодность в наших отношениях. Но причиной ее вполне могло быть время и дело, которым мы занимались. Он - целиком был захвачен поэзией. Поэзией серьезной, которая, я чувствовал, взяла его на всю жизнь. В то время он уже написал известное стихотворение «Омские вечера», пользовавшееся большой популярностью среди читателей и литераторов. К тому же оно было своеобразным ответом на популярнейшие по всей стране «Подмосковные вечера», появившиеся в 1957 году перед первым Всемирным фестивалем молодежи и студентов в Москве.

Леша был большим патриотом своего города, который в ту пору назывался всесоюзно «городом-садом», и не мог не написать об Омске. Там были такие удивительные, теплые и в то же время простые строки:

«На бульваре раскинулись клены,
Ходит в небе луна, не спеша.
Я люблю этот город, мой город зеленый,
У могучей реки Иртыша.
Я люблю его верной любовью,
Той, что первому чувству сродни.
Хороши, говорят, вечера в Подмосковьи,
Только в Омске не хуже они!»

Популярности стихотворению, без преувеличения сказать, прибавила и музыка, на которую вдохновил поэт известного в те поры композитора Бориса Яркова, ныне, к сожалению, покойного. Песня была столь хороша, что стала впоследствии своеобразным гимном города. Сегодня фрагменты ее стали позывными Омского радио и телевидения. К ним все омики привыкли, их знают и любят. Люди моего поколения и старше знают также, что автором стихов этого гимна был Леонид Чашечников. Но те, кто помоложе, не говоря уж о совсем молодых наших земляках, думаю, не знают этого. В том числе и наши земляки-тарчане. Чтобы восполнить этот пробел, я и привел здесь два куплета песни Л.Чашечникова «Омские вечера».

Коль мы подошли в нашем разговоре к песенной теме, следует сказать, что его друг и земляк, тоже из Тары, Михаил Иванович Сильванович, где-то в те же годы, написал слова к песне самодеятельного композитора из Омского сельхозинститута, который в свое время Михаил закончил, Вячеслава Косача «Омские улицы». Не удержусь, чтобы не привести хотя бы один куплет из этой тоже очень популярной в свое время песни:

«Фонари от снежинок мерцающих щурятся,
Каждый дом золотыми огнями горит.
Я люблю, я люблю наши омские улицы
В этот час, когда светят кругом фонари».

Позднее песня была записана Всесоюзной фирмой «Мелодия» на маленькую пластинку, правда, с нелепой ошибкой: на пластине было указано «Слова Михаила Сильванского» вместо «Сильвановича». С такой ошибкой она хранится у меня и по сей день.

Мне приятно, что при обилии омских поэтов за все время о городе наиболее ярко и популярно написали именно наши тарские поэты Леонид Чашечников и Михаил Сильванович.

...После встречи с Леонидом Николаевичем в телефонной будке и «забегаловке» за стаканом вина, мы оба не предполагали, что увидимся теперь только через 30 с лишним лет. В Тару он приезжал постоянно, но на первых порах я жил в других районах, и мы не могли встретиться, а потом, когда я уже навсегда осел в Таре, судьба устраивала его приезды так, что мы не встречались. Не знаю, может, тут была и другая причина, потому что в редакции, которую он никогда не обходил, я работал-то в общей сложности не так много, а что касается радиовещания, то оно было, как бы на отшибе.

...Многим из нас еще памятен 400-летний юбилей нашего города. Гостей было много, мероприятий - всех не перечислишь. В числе гостей был и Леонид Чашечников, живший в ту пору в подмосковной Балашихе.

Местные поэты проводили встречу собратьев по перу в картинной галерее. Там были Владимир Балачан, с которым мы лично были почти не знакомы, но он так по-дружески обнял меня, назвав просто по имени, как старого друга, что я терялся в догадках, что бы это значило. Но было очень приятно - я очень любил этого поэта. Была Татьяна Четверикова, писательница Тамара Саблина, которая, кстати, меня или не узнала, или не признала, хотя мы с ней были очень хорошо знакомы, когда я был собкорром «Омской правды» по югу области, в частности и по Таврическому району, где она была заместителем редактора районной газеты, а муж ее

Саша Чепурко работал фотокорреспондентом. Были здесь журналисты и других областных газет, мне не знакомых. Роль каждого из гостей была расписана организаторами встречи. Что касается меня, то я попал сюда в двух ролях: как местный поэт, несколько стихов которого вошло в маленькую книжечку «Что сердцу дорого», выпущенную местными силами в районной типографии к юбилею, и как собкорр газеты «Омский вестник», хотя в это время я уже там не работал, но свой уход не афишировал, потому что он был в какой-то степени вынужденным и не совпадал с моими желаниями.

Извини, читатель, за столь большое внимание к собственной персоне. Дело совсем не в ней. Просто большое событие, каким был 400-летний юбилей города, настолько ярко стоит в памяти, что обо всех мелочах, коснувшихся тебя, хочется лишний раз рассказать другим людям. Да я б вообще об этом мероприятии, может, и не написал здесь ни строчки, если б писал их не ради Леонида Чашечникова. Галерея - помещение тесноватое, а народу набралось порядком. Но Лешу я узнал сразу. Он одиноко ожидал начала мероприятия, так как молодые поэты, в том числе и организаторы мероприятия, не очень знали Чашечникова лично, и потому особого внимания ему не уделяли. Среди прибывших из Омска гостей, а прибыли они организованно, «одной командой», знакомых у него было много, и он сразу вошел в их шумный круг общения.

После объявления перерыва, все курящие поспешили на улицу: августовский вечер был по-июльски жарок, и в галерее было душно. Вскоре вышел и Чашечников и занял место недалеко от крыльца, облокотившись одной рукой на забор. Я оказался напротив него через тротуар. Меня он за все это время явно не узнал. Ну, во-первых, 34 года - срок большой. Во-вторых, моя худоба мешала, видимо, разглядеть былые черты. Я же все это время смотрел на него столь внимательно, что не обратить на это внимания он не мог. Он стал все чаще поглядывать на меня, я же первым подойти не решался. Потом, очередной раз встретившись взглядом, Леша вроде прошептал: «Мишка! Ты?...»

Тут же у забора мы обнялись. Лично я едва сдерживал слезы. Думаю, совсем где-то рядом были они и у него. Не знаю, сколько мы стояли, обнявшись, и этим самым обратив на себя внимание многих стоящих у крыльца галереи. Почти на ухо он прошептал мне: «Якова, Якова-то нет!...» «Да, Леша, нет!» Его слеза катилась уже по моей щеке.

В общих чертах я рассказал о последних годах жизни Якова Степановича Горчакова, о его тяжелой болезни, о похоронах. Он умер 26 июля 1994 г. День был теплый, но как только вынесли гроб,

начался такой проливной дождь, какой бывает не часто, и длился до окончания похорон. Будто кто заказал его. Народу на похоронах было настолько мало, что редко кто из прохожих догадывался, что так хоронят человека, когда-то известного почти каждому жителю города, участника Великой Отечественной войны. Родные были только со стороны второй его жены, но их было немного...

На встрече о Я.С.Горчакове говорили много и тепло. Читали его стихи, присудили первую премию в юбилейном конкурсе местных поэтов. После перерыва они читали свои стихи. Видя меня «на дружеской ноге» с московским поэтом, организаторы попросили и меня почитать свои сочинения. Леша по-юношески громко сказал, почти толкая меня к трибуне: «Давай, старина, тряхни стариной! Да про Васисс не забудь!» Я кое-как сумел шепнуть ему, что у меня не все в порядке с зубами, и я выступить не могу. Он поддержал меня, и вопрос был закрыт.

На вечер Леша был запланирован в других мероприятиях, участвовать в которых я не мог.

- Наедине мы должны с тобой поговорить обязательно! - сказал он, когда мы вышли на улицу. - Поговорить за все годы, что прошли с васисской эпохи. Я живу в маленькой гостинице у Аркарки, где был райсобес, ты знаешь. Там нам сделать это не удастся. Давай допразднуем, я на денек задержусь и тогда поговорим. Лучше, если машину организуешь: по лесам пошастаем, закат на Иртыше встретим.

Я сказал, что с машиной проблем нет. Но когда узнал, что поведу ее я сам, он засмеялся:

- И представить не могу, что ты, васисский Мишка Белозеров - за рулем. Опрокинешь меня где-нибудь...

Я сказал, что за рулем езжу почти полвека - будь спокоен.

- Да я шучу, конечно...А вот я так и не научился ездить сам...

Мы договорились через день побывать и у меня в доме с ночлегом, и покататься по окрестностям Тары.

Но этого не случилось. У М.И.Сильвановича, за которым была закреплена легковая машина из областной администрации, а Л.Н.Лашечников был приписан к нему пассажиром, изменились планы, связанные с отъездом в Москву. Леша, недомогая, не решился отставать от надежного попутчика.

У ворот редакции мы обнялись с ним крепко, по-мужски, как можно в наши годы. Он сказал, что это уже точно его последний приезд на малую родину.

- Вот тебе адрес, телефон, копи деньжонок, набирайся силе-нок и непременно приезжай ко мне в Балашиху! Приезжай, Миша!...

Последние слова чем-то напоминали легкий стон. Я не ожидал такого поворота событий и был расстроен несказанно. Говорю искренне: хотелось по-детски громко заплакать. Но не плакалось, почему - не знаю.

Уже из машины он начал махать рукой, и слезинка не смогла удержаться в глазах, выкатившись на щеку

Не обрета вечного покоя на иртышском крутояре Екатерининского погоста, хороший русский поэт Леонид Николаевич Чашечников, наш земляк, обрел его в тихой подмосковной Семейновке, что под Балашихой. Там земля ему стала пухом. Таким же пухом она была бы ему и здесь, на малой родине. А в целом-то Родина у него, как и у многих нас, одна - Россия.

Я умышленно не цитировал стихов Чашечникова. Их нельзя цитировать - их надо читать от начала до конца. Они - в десяти его авторских сборниках, главным из которых, конечно, является последний - «Русская голгофа», выпущенный, к сожалению, из-за финансовых обстоятельств лишь в 500 экземплярах. Около 30 из них стараниями М.И. Сильвановича попали в библиотеки района. Спрашивайте и читайте: Вы в душе станете богачом!

...Завершая свою «лебедь-песню» о Леониде Николаевиче Чашечникове, конечно, примитивную и наивную в сравнении с его поэтическим даром, все же не удержусь, чтобы ни процитировать из его сборника «Лебедь-песня» стихотворение, давшее название сборнику:

У меня две реки,
Как две верных руки:
Справа - гордый Иртыш,
Слева - вольная Волга.
У меня по России - везде земляки,
И причалы везде
На пути моем долгом.

Как все до слова, до строчки точно сказано! В одном он немножко не точен: да, 66 лет, прожитых им, путь солидный. Но для такого поэта, хотя бы на десяток лет, он должен быть длиннее.

Вечная тебе память, милый Леша! Светлая тебе память, дорогой Леонид Николаевич Чашечников!

Январь 2001 г.

P.S В следующем очерке о поэте Я.С. Горчакове, написанном еще при его жизни, я все оставил так, как было опубликовано в газете «Омский вестник» в 1992 г., потому что все, что следовало бы сегодня к нему добавить, я сказал в очерке о Л.Н. Чашечникове.